

Эта мысль заставила его мгновенно закрыть уши руками и нырнуть под одеяло, крича:

— Я не хочу слушать! Молодой господин, хватит меня пугать!

Шэн Цзяньвэй рассмеялся, потянув его к себе:

— Неужели ты так испугался?

Он обнял его, прижал к себе и укусил за ухо, заставив Хуа Чжаошуй вскрикнуть, прежде чем остановиться.

Шэн Цзяньвэй поцеловал его в щеку и усмехнулся:

— Боишься слушать, да? А я все равно скажу. Посмотрим, куда ты убежишь, трусишка.

Хуа Чжаошуй снова закричал, обернулся и сердито посмотрел на него:

— Молодой господин, я не хочу знать ваших секретов. Не говорите мне, я не хочу вам вредить.

— Я знаю. Если бы ты хотел мне навредить, ты бы уже не дышал.

Хуа Чжаошуй снова сжался.

— Молодой господин, пожалуйста, хватит. Если хотите меня наградить, завтра просто дайте мне миску рисовой каши с крабовым мясом.

Шэн Цзяньвэй фыркнул:

— Вот уж действительно амбиции.

Хуа Чжаошуй улыбнулся, подошел ближе и поцеловал его в губы.

— Давайте спать.

На следующий день господин ушел рано утром, а Хуа Чжаошуй разбудили, потому что в Западном саду начались тренировки, а он проспал и сильно опоздал.

Он в панике прибежал, но строгий наставник не стал его бить или ругать, лишь сказал:

— Ты уже не успеешь к Чунъяну. Если не хочешь петь, можешь уйти.

Хуа Чжаошуй подумал, что наставник действительно рассердился, и поспешил извиниться, но тот сказал:

— Ладно, Сун-лаобан скоро придет. Приготовься, и ты сможешь уйти из усадьбы.

Хуа Чжаошуй внутренне вздрогнул, удивляясь, как быстро Сун действует. Ведь он говорил, что потребуется несколько дней, а прошла всего одна ночь.

Он был рассеян, вспоминая, что господин накануне обещал подарить ему купчую на землю. А теперь он собирался тайком уйти. Если господин узнает, он точно взбесится.

Он свернул за угол и вошел в боковую комнату, где действительно увидел Суна. Хуа Чжаошуй сжал кулаки, думая, что, в конце концов, они больше не увидятся. Гнев господина неизбежен, но он не будет длиться вечно.

Последние дни были пасмурными, и когда Хуа Чжаошуй, собрав вещи, покидал Дом Шэн, уже смеркалось. Он шел за Сун-лаобаном в театральную труппу, сердце его бешено колотилось, и он вздрагивал от каждого звука.

Сун-лаобан, видя его нервозность, усмехнулся:

— Не бойся так. Если он действительно придет, просто скажи, что я насильно тебя забрал. Он ничего не сможет сделать.

Хуа Чжаошуй кивнул, не до конца понимая, и слабо улыбнулся, но внутри все еще волновался.

На самом деле, он уже представлял себе множество возможных сценариев. Он боялся, что господин найдет его, и, учитывая его характер, если это произойдет, Хуа Чжаошуй конец. Но что, если господин вообще не обратит внимания? Хуа Чжаошуй пытался утешить себя, но в голове звучал птичий щебет, отчего он невольно вздрагивал.

Он присоединился к труппе Суна, но не сразу вышел на сцену, так как А Ин навестила его и сказала, что господин, хоть и сдерживался из уважения к родителям, был явно разгневан. Поэтому Сун велел ему скрываться несколько дней, пока гнев не утихнет, чтобы избежать лишних проблем.

Хуа Чжаошуй жил в постоянной тревоге, и лишь частые визиты А Ин помогали ему немного успокоиться. Раньше, когда они жили в усадьбе, они виделись редко, но теперь, оказавшись на свободе, могли встречаться чаще.

Он скрывался несколько дней, выполняя черновую работу за кулисами, и, услышав, что господин, похоже, успокоился, а клетки для птиц убрали, Сун спросил его мнение и начал готовить его к выступлениям.

Хуа Чжаошуй перестал нервно спрашивать новости, и его настроение стабилизировалось. Его базовые навыки были крепкими, и через несколько дней тренировок директор труппы начал выпускать его на сцену. Сначала у него было мало текста, но после семи-восьми выступлений его роль расширилась, он стал чаще появляться на сцене, и его гонорары увеличились.

Прошло чуть больше двух недель, и Хуа Чжаошуй чувствовал, что здесь ему гораздо свободнее, чем в усадьбе. В свободное время он мог гулять по рынку. Раньше он либо следовал за господином, либо бродил по двору, и даже в усадьбе многие места были для него закрыты.

Сегодня у него не было выступления, и он с радостью отправился на прогулку. Кашель А Ин все не проходил, и он хотел купить груш, чтобы сварить ей сироп. Покупая груши, он взял еще и палочку засахаренных ягод, одну из которых уже съел. Ему хотелось принести матери что-то вкусное, но, вспомнив о ее кашле, он отказался от этой идеи.

На обратном пути он издали увидел несколько всадников, мчавшихся по улице. Их одежда напоминала форму гвардии Юйлинь, и, подумав об этом, Хуа Чжаошуй в испуге бросился в сторону.

Он спрятался за прилавком с косметикой, осторожно выглянул и увидел, как всадники с криками проносятся по улице. Он замер, когда их лидер внезапно повернул голову, и их взгляды встретились.

Хуа Чжаошуй окаменел от страха. Даже несмотря на то, что взгляд был мимолетным, он почувствовал в нем презрение, словно все было под контролем.

Он просидел за прилавком так долго, что привлек внимание продавщицы. Это была девушка постарше, которая легонько похлопала его по плечу, собираясь спросить, все ли в порядке, но он, словно испуганная птица, резко отпрянул и ударился головой о стол, вскрикнув от боли.

Эти действия шокировали девушку. Она присела перед ним и с беспокойством спросила:

— Ты в порядке? Ты испугался тех солдат? Не переживай, они просто спешат по делам. Это не облава.

Хуа Чжаошуй, все еще держась за голову, поблагодарил и извинился. На обратном пути он размышлял, что за срочные дела могли быть? Может, они уезжают на несколько дней?

Тот взгляд не выходил у него из головы, и за ужином он был рассеян. А Ин, заметив это, вздохнула:

— Теперь я не знаю, правильно ли было тебя вытащить.

Хуа Чжаошуй услышал это и посмотрел на нее:

— Почему вы так говорите?

— Ты только вышел и уже будто потерял душу. Едва начал приходить в себя, как сегодня снова выглядишь растерянным. Ты действительно так его боишься? Он — любимый сын министра обороны, фаворит императора. А ты кто? Простой актер. Зачем ты сам себе создаешь проблемы?

Эти слова заставили Хуа Чжаошуя покраснеть, и он смущенно пробормотал:

— Простите...

— Я не просила извинений, — с раздражением сказала А Ин, откладывая чашку с сиропом из груш. — Я хочу, чтобы ты был счастлив. Теперь ты живешь свободнее, чем в усадьбе. Я знаю, какой у него характер, но ты уже вышел. Просто живи своей жизнью, хорошо?

Хуа Чжаошуй кивнул и объяснил:

— Сегодня я снова его увидел... Он посмотрел на меня... Этот взгляд был таким страшным, и я не могу перестать думать об этом...

А Ин погладила его руку.

— Не заикливайся. Такие ветреные молодые люди быстро забывают.

Хуа Чжаошуй кивнул и продолжил есть.

А Ин вздохнула:

— Я хотела, чтобы ты вышел, чтобы ты был свободен и счастлив, не был чьим-то слугой, не жил под чужим контролем... Просто будь обычным человеком. Я хочу видеть, как ты женишься и заведешь детей.

Хуа Чжаошуй неопределенно кивнул, но в душе думал: я уже не могу быть таким, как раньше.

На следующий день Хуа Чжаошуй выступил несколько раз. После последнего выступления,

даже не смыв грим, он зашел за кулисы, где его остановил директор труппы, радостно сказав:

— Сяо Хуа, ты, похоже, нравишься людям. Только что один господин щедро заплатил, чтобы встретиться с тобой. Он ждет сзади. Иди, посмотри.

<http://bllate.org/book/16756/1562898>